

НА СОИСКАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ СССР

ГОЛОС ЩЕДРОГО СЕРДЦА

Поэтическая биография Михаила Дудина вобрала в себя боль и гнев военного лихолетья. Оттуда, с тех высот человеческого духа, пришла к нему суровая требовательность к своему стиху, «чтоб он неправдою не оскорбил торжественную тишину могил». Там, в условиях фронтового братства, он получил бесценный запас душевного здоровья и жизнелюбия, и всходы новых впечатлений в его поэзии обязаны своим рождением тем зернам добра, самопожертвования и мужества, что принял поэт в наследство от своих товарищей по боевому оружию.

В книге стихотворений Михаила Дудина «Дерево для аиста» (изд. «Молодая гвардия») вновь воскресают огненные ночи и дни: стихи, объединенные в цикл «Забытая тетрадь», написанные в блокадном Ленинграде, сохранил его фронтовой товарищ Д. М. Рура. Друга поэта уже нет в живых. Стихи Дудина каждой строкой своей ложатся ступенью к литературному памятнику героям военной страды, да и сами стихи, как безвестно пропавшие солдаты, вернулись в строй. Даты под ними — с сентября 1942-го по ноябрь 1945-го — обязывают нас читать стихи, памятуя, что они рождены не только поэтическим волнением, но прежде всего страданием и преодолением, сыновним долгом перед Отчиной. Стихи были вызваны к жизни неиссякаемой жаждой победы.

Заклинанием звучат слова «нас ждут» в стихотворении «Октябрь. И, ночью нарастая...» Они обращены к «вестникам рассвета» — советским бойцам: «Дожди, как обмороки. Слякоть. Промозглая сырая мгла. Нас ждут. О нас устали плакать, нас ждут, как света и тепла». Сквозь даль десятилетий видно, как согривало бойцов поэтическое слово, и сейчас, спустя почти сорок лет, оно по-прежнему несет заряд активной силы.

В цикле «Полярный круг» есть стихотворение «Письмо с полюса Василию Федоровичу Давиденко, бывшему командиру взвода, в котором я служил». И в мирное время случаются обстоятельства, требующие от человека предельного напряжения духовной и физической энергии, поэт сближает эти состояния — на фронте и на полюсе:

И здесь, не знаю
почему-то,
Припоминаю в сотый раз
Непобежденного Гангута
Святое мужество и Вас.
То, не скрываемое тенью,
Проявленное в первый
бой,
Благословенное уменье
За друга жертвовать
собой.

Военная доблесть и мирная защита жизни — они в одних руках людей, крепких духом. Стихотворение заканчивается размышлением поэта. Короткие фразы, паузы между ними предполагают наше читательское участие — нам всем надо поразмышлять о том, что нас всех роднит и соединяет:

И эта ночь. И эта льдина.
И глубина под ней
без дна.

...И Человечество едино,
И у него Земля одна.

Земля у Дудина — не поэтическая фигура, это мать всего сущего, налитая животворящей силой, одухотворенная готовностью родить. Не иссякнуть удивлению поэта перед ее могучими возможностями. И стихотворение «Лев цветет» тоже возшло из светлого удивления, а оно соединило все, что предстало взору поэта, в неразделимый мир маленького земного уголка:

Земли полуденное тело
Пронизывает легкий зной.
Грядя холмов заголубела
Небесною голубизной.

Весенняя нега земли — ее полей, лугов, оврагов — полнится музыкой тишины: в ней хрустально звенит жаворонок, и постепенно мы начинаем слышать музыку голубого свечения, чистую, прозрачную, нежную:

И звонкой радостью
колышет
Над полем полог
навесной.
И в поле лев цветет.
И дышит
Весь мир его голубизной.

Вместе с поэтом мы идем по дорогам его малой родины, пьем вместе с ним сладкую боль воспоминаний, несем груз раскаяний за все дорогое, что небрежно утратили. Стихотворение «Вязовское» действует как ожог — на могиле матери человек испытывает потрясение — «я душу матери растратил и эту память не сберег». Лирический герой подвергает себя безжалостному суду, иначе он не может: его идеал человеческого поведения выше наших привычно-снисходительных требований к себе. Душевный самоанализ заканчивается здесь взрывом:

Я выйду в рожь. В родное
поле.
В седое, как мои виски.
И, рухнув, выплачу
на воле
Всю горечь страха
и тоски.

И, может быть, из сердца
прянут
Слова, как птицы
из силка,
И мне в глаза мои
заглянут
Два материнских
василька.

Это страдание не может не отозваться в читательском сердце. Тревога поэта носит не частный характер — он думает и о конкретном человеке и о человечестве. «Что гибнет там, душа или планета? Не все ли равно — трагедия одна!» — восклицает поэт. В другом лирическом стихотворении автор диагностирует природу душевной глухоты — она в забвении традиций («о старой песне не скорбит»), в увлеченности суетой, в отказе заглянуть внутрь себя, переоценить ценности. И результат непременно скажется: «Укачивала душу скака под цокот кованых подков».

В лирическом цикле «Седое сердце» поэт, если говорить на языке кино, приближает крупным планом сердце человеческое взору читателя: «У времени на повороте в тревоге завтрашнего дня, в его надежде и заботе сидит сердце у меня».

Рисует ли поэт полночный августовский сад — праздник

плодов и звезд, присягает ли «святой естественности слова», воспевает ли женственность — всюду он славит гармонию бытия, все то, что живет по законам красоты.

И как бунтует сердце поэта, когда уходят из жизни друзья. Стихотворение «Памяти Михаила Луконина» состоит всего из трех строк. Горьким словом «Прощайте!» начинаются две первые — пока еще есть силы воскликнуть. Последнюю строфу открывает слово, оборванное болью: «Уходим...» Солдатское, фронтовое поколение произносит это трагическое слово, почти не разжимая губ. Скорбь молчалива. Как неподъемную ношу, берет поэт «прощанья последнюю книгу, беспощадную книгу уже отгоревших судеб» — это стихотворение посвящено Николаю Тихонову. И снова спасением приходит тишина раздумья: «За плечами печаль опустила седые крыла».

Сама жизнь поэта, Героя Социалистического Труда Михаила Александровича Дудина служит подтверждением истинности высоких этических принципов, заявленных в его стихах и поэмах. В 23 года он стал солдатом. А когда отгремели бои, ему исполнилось 29. Его книга «Фляга» печаталась на пожухлой блокадной бумаге. Он ленинградец с 1941 года. И этим сказано все. Щедрость сердца и искренность, прежде чем стать фактом поэзии, определили и определяют его отношение к людям, к природе. Посаженное им деревце вырастает домом «двум аистам, вернувшимся домой».

Годы не в счет, если сердце полнится молодыми впечатлениями, а мысль и слово поспевают за прекрасными мгновениями жизни. Вот одно из них:

«Рыжий конь
по скошенному лугу
без узды и всадника
летел».

Такое не забывается!

Новые циклы стихотворений, включенные в книгу «Дерево для аиста», развивают любимую тему поэта — родства человека со всем миром, со Вселенной. Восьмая часть книги «Западный берег» с ее акварельными набросками городских и морских пейзажей, с горячими красками заката на Атлантике, с размышлениями о дне сегодняшнем, о его противоречиях, о вечности слов — раздвинула горизонты видения поэта. «И там, в атлантической ночи, над прахом друзей и врагов сверкнул мне прекрасные очи Надеждою двух берегов» — эти строки стихотворения «Габриэлю Гарсиа Маркесу» можно считать программными в творчестве Дудина. Вселять надежду — не в этом ли святое назначение искусства?

Циклы стихов Михаила Дудина «Седое сердце», «Дерево для аиста», «Полярный круг», «Западный берег», «Забытая тетрадь» из книги «Дерево для аиста» выдвинуты на соискание Государственной премии СССР. И уже в этом сказалось признание их художественной и общественной ценности. Поистине: «Прекрасна песня, что верна Трудом, который не напрасен».

Наталья ДАРДЫКИНА